

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.С. Парсамов

**«ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»
С.П. ШЕВЫРЕВА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Препринт WP6/2013/04
Серия WP 6

Гуманитарные исследования

Москва
2013

УДК 930.25
ББК 79.3
К90

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

К90 **Парсамов, В. С.** «История императорского Московского университета» С.П. Шевырева: исторический нарратив в политическом контексте: препринт WP6/2013/04 [Текст] / В. С. Парсамов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом. Высшей школы экономики, 2013. – 36 с. – 150 экз.

В работе раскрываются обстоятельства создания первой юбилейной истории Московского университета (1855). Автор показывает зависимость концепции университетского прошлого от интерпретации С.П. Шевыревым конфликта между министром С.С. Уваровым, попечителем С.Г. Строгановым и председателем комитета 1849 года Д.П. Бутурлиным. В результате юбилейный текст «Истории Московского университета» стал не беспристрастной реконструкцией, а историческим аргументом в пользу университетской политики Уварова.

УДК 930.25
ББК 79.3

Parsamov, V. S. 'History of the Emperor's Moscow University' by S.P. Shevyryov: a historical narrative in political context: Working paper WP6/2013/04 [Text] / V. Parsamov ; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. – 36 p. – 150 copies (in Russian).

The jubilee 'History' of the Moscow University (1855) composed by Professor Stepan Shevyryov is examined within the context of the political struggle of the late 1840s and early 1850s. At that time the rivalry between the Minister of Education Sergey Uvarov, the '2 April Committee' Chairman Dmitry Buturlin, and the curator of the Moscow University Sergey Stroganov escalated to the point of open conflict. In result Shevyryov's History of the Moscow University is not the reconstruction of academic past. It is a historical argument for Uvarov's university politics.

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в университетской истории России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

Парсамов Вадим Суренович – главный научный сотрудник ИГИТИ НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Парсамов В.С., 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

(Не)удачный опыт университетского самоописания?

«История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею 1755 – 1855» профессором С.П. Шевыревым, – первая история российского университета. Уже в силу данного обстоятельства она стала неотъемлемой частью самой этой истории, и почти все отечественные авторы, пишущие на эту тему, неизменно обращаются к шевыревскому труду как некому эталону университетской истории вообще¹. Современный историк университетов Ф.А. Петров констатирует «в настоящее время никем не оспариваемые заслуги Шевырева в изучении истории Московского университета». Правда, тот же автор добавляет: «Порой “История” Шевырева выглядит излишне риторично»². Эта риторичность, как правило, относится на счет *юбилейного* характера текста и воспринимается как что-то внешнее, не имеющее прямого отношения к трудоемкой работе, проделанной Шевыревым над большим количеством разнообразных источников. Неоднократно отмечался *официальный* тон шевыревской «Истории», ее связь с теорией официальной народности и т.д.³

Присоединяя к термину «история» эпитет «юбилейная» или «официальная», мы тем самым как бы признаем, что перед нами не совсем история в ее подлинном виде. И отношение к такой истории во многом зави-

¹ *Петров Ф.А.* С.П. Шевырев – профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999; *Алексеева Е.Д.* С.П. Шевырев и столетний юбилей Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2004. № 2. С. 106–121; *Она же.* «Мы дела “Шевырëвского” не могли оставить...»: (О подготовке к празднованию 100-летнего юбилея Московского университета) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2005. № 4. С. 3–32; *Кулакова И.П.* Протоколы конференции Московского университета второй половины XVIII века: история создания и использования: препринт WP19/2013/01. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. См. также электронную версию: URL: http://www.hse.ru/data/2013/02/26/1307390211/WP19_2013_01_f.pdf (дата обращения: 20.10.2013); *Вишленкова Е.А.* Университетский XIX век в России: Дискурсивная история // Изобретение века: проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 297–301.

² *Петров Ф.А.* С.П. Шевырев... С. 41.

³ Подробнее об этом см.: *Жукова А.Н.* История императорского Московского университета в контексте официальной идеологии Николаевской эпохи [Электронный ресурс]. URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/1332> (дата обращения: 20.10.2013).

сит от отношения к официальной пропаганде, являющейся в данном случае важнейшим критерием оценки. Так, например, Н.Г. Чернышевский, первый отозвавшийся на его книгу, сразу же обратил внимание читателей на то, что в ней «почти исключительно преобладает официальный тонъ, и полнѣе всѣхъ другихъ событій университетской жизни разсказываются торжественные акты, рѣчи, на нихъ произнесенныя, и административныя распоряженія»⁴. Такой внешней, или летописной, форме исторического повествования Чернышевский противопоставил прагматическую историю, вмещающую «въ себѣ только существенно важные факты, связанные по ихъ внутреннему сцѣпленію и изложенные со всею возможною полнотою». В качестве образца критик указал на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина, который изложение истории в ее внутренней связи снабдил публикацией источников «и тѣмъ сообщилъ своему труду, съ одной стороны, высокое литературное достоинство, съ другой стороны, незамѣнимое ничѣмъ достоинство архива»⁵.

Шевырев, по мнению Чернышевского, стал летописцем, а не историком университета. Как летописец он не искал в событиях внутреннюю логику, а подчинил их влиянию внешних обстоятельств. Благодаря этому развитие университета предстало результатом «кураторства или попечительства различныхъ сановниковъ, завѣдовавшихъ университетомъ». «Конечно, – иронично добавляет автор, – такимъ планомъ много былъ облегченъ трудъ составленія книги»⁶, намекая на то, что прагматическая, т.е. подлинная, история Московского университета, связанная с его культурной ролью и зависящая в первую очередь от людей науки, а не чиновников, в то время появиться не могла.

Видимо, уязвимость созданного нарратива осознавал и сам Шевырев. В письме к М.П. Погодину, которое он написал через год после юбилея, он признался: «Теперь всѣ говорятъ надобно правды, правды, правды, правды <...> Общественно я, может быть, грѣшенъ въ томъ, что не говорилъ рѣзкой правды. Не умѣю излагать ее, такъ какъ ты умѣешь. <...> Въ отношеніи къ Университету я грѣшенъ: я мало созналъ грѣхи его. Но Университетъ былъ тогда в опалѣ: какъ же въ день столѣтнихъ именинъ

⁴ Современник. 1955. № 4. С. 31.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же. С. 27.

было нападать на него? Я ему еще скажу правду – и считаю это обязанностью»⁷.

Сам факт того, что автор признал неправдивость своего рассказа, свидетельствует о сознательном конструировании университетского прошлого. Шевырев писал университетскую историю для конкретного читателя – Николая I. Ему она и посвящена. И это не рассказ о прошлой жизни конкретной группы людей. Это история *Его императорского величества* университета, изложенная как дело его предков, перешедшее к нему по наследству и продолженное достойным образом. Стремление прославить монархов, и особенно царствующего в то время Николая, как просветителей народа и покровителей университета уже само по себе делает неизбежным преобладание риторических штампов над научно-беспристрастным изложением фактов. Таким образом, риторичность являлась не аксессуаром, а конструирующим принципом построения текста.

Выбор царя в качестве адресата было бы неверно объяснять лишь сервильностью писателя, в чем его нередко упрекали оппоненты. В условиях начала 1850-х годов, когда он приступал к работе над «Историей», за этой позицией стояло вполне искреннее желание защитить университет от тех нападок, о которых он позже упомянул в письме к Погодину.

Ведомственный раскол

В 1849 году, примерно за год до того, как было принято решение праздновать столетний юбилей, университетский вопрос стал эпицентром скандала, выплеснувшегося в печать. Его возникновению предшествовала довольно долгая история. В ноябре 1847 года был отправлен в отставку попечитель Московского учебного округа Сергей Григорьевич Строганов, имевший репутацию «просвещенного вельможи» и пользовавшийся уважением профессоров⁸. Причиной отставки послужило нежелание строптивного Строганова считаться с циркуляром С.С. Уварова

⁷ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. С. 522–523.

⁸ Подборку высказываний о С.Г. Строганове современников см.: Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 127–134; 433–436.

от 27 мая 1847 года. В этом письме министр противопоставил русскую народность остальному славянскому миру: «Все, что мы имеем на Руси, – писал он, – принадлежит нам одним, без участия других славянских народов». В соответствии с этим преподавателям предлагалось осуществлять «возбуждение духа отечественного не из славянства, игрою фантазии созданного, а из начала русского, в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических»⁹.

Циркуляр, как известно, был продиктован чисто политическими соображениями, вызванными негативной реакцией Николая I на распространявшиеся в России идеи славянского единства. И он же противоречил Уставу 1835 года, согласно которому в университетах должны были в обязательном порядке преподаваться «Исторія и Литература Славянскихъ нарѣчій»¹⁰. Газета «Молва», издаваемая Н.И. Надеждиным, писала по этому поводу: «Къ числу важнейшихъ нововведеній по части учебной, принадлежит учрежденіе особой кафедры Славянскихъ Наречій въ Словесномъ отдѣленіи Философскаго факультета. Это обѣщаетъ новую эру для русскаго языка и русской литературы»¹¹. Тогда с этим связывалось повышение уровня знаний, причем в первую очередь русского языка и русской литературы.

И вот в 1847 году Уваров, развернувшись на сто восемьдесят градусов, заклинал: «Да слышится в университетах имя русского, как слышится оно в русском народе, который, не мудрствуя лукаво, без воображаемого славянства, сохранил веру отцов наших, язык, нравы, обычаи, всю народность»¹².

Строганов в резкой форме отказался выполнять предписание министра, что вызвало негативную реакцию Николая I, с одной стороны, и месть министра, с другой¹³. В октябре 1847 года Уваров остановил гото-

⁹ Уваров С.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 500.

¹⁰ Высочайше утвержденный общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Полное собрание законов Российской империи [Собрание 2]. Т. 10. Отд. 1. СПб.: Тип. II отделения СЕИВ канцелярии, 1836. № 8337. С. 842.

¹¹ Молва, газета мод и новостей. М., 1836. Ч. 11. С. 3.

¹² Уваров С.С. Указ. соч. С. 501.

¹³ Шеф жандармов А.Ф. Орлов вернул Строганову его письмо со следующей резолюцией: «Государь императоръ, прочитавъ донесеніе вашего сіятельства къ министру народнаго просвѣщенія, изволилъ возвратити къ вамъ означенное, при семъ прилагаемое, донесеніе ваше, поставивъ вамъ на видъ, что вы никогда ни подъ какимъ предлогомъ не должны были выходить изъ надлежащаго уваженія къ вашему начальнику; а съ тѣмъ вмѣстѣ вмѣнить вамъ въ обязанность, чтобы вы немедленно исполнили данное

входящий к печати перевод записок Флетчера о России. Перевод делался «Обществом истории и древностей» по личному распоряжению его председателя Строганова. Основанием для запрета послужил донос Шевырева¹⁴, решившего услужить министру. В этой ситуации Строганов, по его собственным словам, «не чувствуя себя способным оставаться безгласным исполнителем его наравлений», подал в отставку и переехал в Петербург, «оставаясь отнынѣ открытымъ врагомъ Уварова»¹⁵.

Конфликтом двух приближенных ко двору аристократов воспользовался Модест Андреевич Корф, бывший в то время членом Государственного совета. По свидетельству мемуариста, «М.А. Корфу очень хотѣлось увѣнчать свою счастливую служебную карьеру министерскимъ портфелемъ»¹⁶. Вместе со Строгановым он нанес удар по позициям Уварова. Наиболее уязвимым местом министерства просвещения всегда была находящаяся в его ведомстве цензура. Начавшаяся в феврале 1848 году французская революция стала поводом к тому, чтобы представить цензуру, а следовательно, и министерство просвещения во главе с Уваровым не готовыми противостоять этой угрозе. Уже в феврале Строганов подал царю «Записку о либерализмѣ, коммунизмѣ и социализмѣ, господствующихъ в цензурѣ и во всемъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія»¹⁷. Корф, со своей стороны, «набросал несколько мыслей о действияхъ периодическихъ изданий и цензуры»¹⁸ и через наследника престола также подал ее Николаю I. Получив с разных сторон тревожные свидетельства, царь распорядился создать комитет, «чтобы разсмотрѣть правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы».

Над Уваровым нависла реальная угроза. В дневнике М.П. Погодина приводится приватный разговор, состоявшийся в Петербурге между ми-

вамъ господиномъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Уваровымъ, предварительно одобреннымъ его императорскимъ величествомъ, циркулярное предписание о славенофилахъ» (*Веселовский К.С.* Отголоски старой памяти // Русская старина. 1899. Т. 100. Октябрь. С. 11).

¹⁴ По свидетельству А.В. Никитенко, «<С.П.> Шевырев, некогда ухаживавший за Строгановым, теперь представил министру, как неблаговидно в данную минуту печатать Флетчера и как дурно делает Строганов, допуская это» (*Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. Т. 1. 1826–1857. М.: Госиздат художественной литературы, 1955. С. 313).

¹⁵ *Веселовский К.С.* Указ. соч. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Кн. 9. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. С. 281.

¹⁸ *Корф М.А.* Записки. М.: Захаров, 2003. С. 428.

нистром просвещения и посетившим его Т.Н. Грановским, записанный со слов последнего. Грановский, имея в виду письмо к императору Строганову, сказал Погодину: «Он такіа вещи сдѣлалъ в послѣднее время, которыхъ искупить трудно <...> Уваров сказалъ Грановскому, что все Министерство Просвѣщенія вообще было в опасности...»¹⁹.

Угроза исходила от вновь образованного Негласного комитета 2 апреля²⁰, который возглавил Дмитрий Петрович Бутурлин, директор Публичной библиотеки, военный историк и генерал. Бутурлин понимал свою миссию широко и смотрел на себя как на человека, призванного возглавить «крестовый поход против науки»²¹. Поэтому, если он действительно предлагал закрыть университеты, с его стороны это было вполне логично. Во всяком случае, общественное мнение отнеслось к подобным слухам с абсолютным доверием²². В своем стремлении он, видимо, был не одинок, так как слухи, которые стали распространяться на эту тему в начале 1849 года, связывались с именем Я.И. Ростовцева²³. Уваров вынужден был защищаться.

В марте в «Современнике» была опубликована статья бывшего профессора Московского университета Ивана Ивановича Давыдова «О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании». Давыдов не был самостоятельной фигурой. Всем было известно, что за ним стоял Уваров²⁴, из чего следовало, что статья была направлена непосредственно против Бутурлина, чье имя, разумеется, не называлось.

Статья Давыдова была выдержана в казеннопатриотическом духе противопоставления Запада и России. На Западе люди больны страстью к преобразованиям, пренебрежением к преданиям, для них «не существуют ни вѣра, ни законъ, ни права, ни обязанности: они пользуются смутами, въ чаду властолюбія и своекорыстія». На «православной и боголюбимой» Руси все наоборот. Русские благоговоят перед Проведением, они преданы Государю и любят Россию – могущественную державу, «ка-

¹⁹ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 9. С. 282.

²⁰ Веселовский К.С. Указ. соч. С. 11–12; Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб.: Труд, 1904. С. 192–194.

²¹ Никитенко А.В. Указ. соч. Т. 1. С. 326.

²² Там же. С. 312.

²³ Там же. С. 320.

²⁴ Ср. запись от 16 января 1842 г. в дневнике Никитенко: «Профессор Давыдов в большой милости у Уварова. Он добился этого грубою лестью, которую министр всегда принимает с простодушием ребенка» (Никитенко А.В. Указ. соч. Т. 1. С. 243).

кой не было въ мірѣ историческомъ». Поэтому им остается в «благодарственномъ умиленіи къ Подателю всѣхъ благъ и Самодержцу <...> только наслаждаться этими благами»²⁵. Любые нововведения, особенно питаемые ложными понятиями, способны нанести вред этому великолепию. К числу таких нововведений автор статьи относит стремление закрыть университеты.

Русские университеты представлены в статье как явление глубоко национальное, находящееся под постоянной опекой государей, – с момента их возникновения до настоящего времени. Причем каждый русский царь в своей заботе об университетах превосходил своих предшественников. В результате этого русские университеты «не походятъ ни на одинъ иностранный, всего менѣе на германскіе»²⁶. Более того, русские университеты являются мощным оружием в борьбе с западными идеями, так как «передаютъ юному поколѣнію сокровища мудрости, освященной любовью къ вѣрѣ и престолу»²⁷. Соответственно русские «порицатели университетовъ» являются проводниками вредных западных стремлений к преобразованиям и разрушителями национальных устоев.

С точки зрения научной данная статья не имела значения, носила характер демагогический. Автор пытается бороться с врагом его же оружием. Но Бутурлина не так легко было сбить с толку. Он, правда, вынужден был признать, что «статія сія по *внѣшнему ея изложенію*, не имѣетъ ничего предосудительнаго <...> Но если *вникнуть во внутренней ея смыслъ*, то ясно, что здѣсь есть неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства, и сверхъ того, подъ благовидною оболочкою сокрыта такая тайная мысль, выраженія которой отнюдь не надлежало допускать въ печати»²⁸. С соответствующими комментариями Бутурлин представил статью Давыдова Николаю I. Тот распорядился: «Знать, какъ сіе могло быть пропущено?»²⁹.

Несмотря на то, что мнение царя однозначно было на стороне Бутурлина, Уваров решил не сдаваться и направил царю встречную жалобу. В ней он весьма определенно отделял слухи о закрытии университетов от подлинной воли царя, так как «Ваше Императорское Величество не

²⁵ О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании // Современник. 1849. № 3. С. 37.

²⁶ Там же. С. 44.

²⁷ Там же. С. 46.

²⁸ Лемке М.К. Указ. соч. С. 227.

²⁹ Там же. С. 228.

изволили изъяслять мнѣ Августѣйшей мысли объ уничтоженіи или преобразованіи нашихъ высшихъ учебныхъ учреждений». Более того, распространяемые слухи Уваров трактовал в антиправительственном духе – как направленные «противъ общей системы народнаго образованія, принятой русскимъ правительствомъ со временъ Петра Великаго». Утверждая «благонамеренный» характер статьи и ссылаясь при этом на мнение самого Бутурлина, Уваров выразил готовность нести за нее ответственность: «Государь! Статья в “Современникъ” была представлена мнѣ и мною одобрена. Если за нее кто-либо долженъ подлежать отвѣтственности, то эта отвѣтственность по совѣсти и закону должна единственно пасть на меня».

Свою ответственность Уваров противопоставил безответственности комитета Бутурлина, наделенного неограниченными полномочиями. Для устранения этого несоответствия министр предложил вывести из подчинения министерства цензуру и переподчинить ее Бутурлинскому комитету: «Такимъ образомъ, и сообразно съ требованіемъ времени, власть, наблюдающая за ходомъ періодической литературы, будетъ и давать ей направленіе, и непосредственно отвѣтствовать за собственныя свои распоряженія»³⁰.

Жалоба Уварова на действия Бутурлинскаго комитета вызвала колоритную резолюцию Николая: «Не вижу никакой уважительной причины измѣнять существующій нынѣ порядок; нахожу статью, пропущенную въ “Современникъ”, *неприличною*, ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственныя *учрежденія*, для *отвѣта на пустые толки*, не согласно ни съ достоинствомъ правительства, ни порядкомъ у насъ, къ счастью, существующимъ. Должно *повиноваться*, а разсужденія свои держать *про себя*. Объявить цензорамъ, чтобы впредь подобнаго не пропускали, а въ случаяхъ недоумѣній, спрашивали разрѣшеній»³¹.

В апреле 1849 года Московский университет посетил Дмитрий Николаевич Блудов, член Государственного совета. Журнал «Москвитянин» откликнулся на это событие заметкой: «Почетный гость на лекціяхъ университета», в которой в частности говорилось: «Въ время, когда праздные люди, толкують о какомъ-то преобразованіи Университетовъ и становится необходимымъ стать за нихъ во имя просвѣщенія, членамъ Московскаго университета пріятно видѣть, что государственные сановники,

³⁰ Лемке М.К. Указ. соч. С. 232.

³¹ Там же. С. 233.

успѣвшіе в жизни своей соединить постоянную вѣру началамъ Русскимъ съ высокою степенью Европейскаго просвѣщенія, обнаруживаютъ къ Университетамъ самое искреннее участіе и смотрятъ на нихъ, какъ на верные разсадники Русскаго просвѣщенія»³².

Эта заметка вызвала очередной донос Бутурлина: «Усматривая изъ сего, что вопреки удостоенному высочайшаго утвержденія заключенію комитета 2 апреля 1848 г., въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ все еще продолжаются подобныя прежнимъ толки на счетъ университетовъ, комитетъ не могъ не остановиться особенно на употребленной въ помянутой статьѣ фразѣ “становится *необходимымъ* стать за университеты во имя просвѣщенія”, фразѣ неумѣстной, если авторъ намекаетъ ею на частныхъ людей, какъ не имеющихъ у насъ голоса в дѣле общественныхъ преобразованій, и более нежели дерзкой, если он хотель намекнуть симъ на преднамеренія правительства». Резолюція Николая была весьма определенной: «Министру народнаго просвѣщенія подтвердить, что я рѣшительно *запрещаю* всѣ подобныя статьи въ журналахъ за и *противъ* университетовъ»³³.

Цинтия Виттекер считает, что статья Давыдова стала причиной отставки Уварова, и что министр выглядит в этой истории как защитник университетского образования от мракобесия Бутурлинского комитета³⁴. Такая интерпретация событий значительно упрощает картину. Соперничество Уварова и Бутурлина порождалось не судьбой университетов, а борьбой за влияние на царя. С момента учреждения Бутурлинского комитета Уваров по распоряженію Николая I начал работать над новым цензурным уставом. В содержательном плане разработанный им проект, представленный для утверждения в Государственный совет в начале 1849 года, т.е. еще до «университетской истории», вполне соответствовал духу Бутурлинского комитета. Необходимость его принятия мотивировалась тем, что действующий устав 1828 года предоставляет излишнюю свободу сочинителям и стесняет цензоров. По новым правилам цензура должна обращать внимание не только «на *видимую* цѣль и *явный* смыслъ рѣчи», но и на «цѣль и определительный смыслъ речи», т.е. не только на то, что говорит автор, но и на то, что, с точки зрения цензора, он хочет сказать

³² Почетный гость на лекціяхъ университета // Москвитянин. 1849. № 7. С. 107.

³³ Лемке М.Н. Указ. соч. С. 234. Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 10. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. С. 145–146. У этихъ авторовъ вместо Блудова ошибочно названъ Уваров.

³⁴ См., например, Виттекер Ц.Х. Графъ Сергей Семеновичъ Уваровъ и его время. СПб.: Академический проект, 1999. С. 266–267.

этим. Право издавать журналы должно принадлежать «только человеку, известному на поприще словесности, показавшему сочинениями хороший образ мыслей и благонамѣренность»³⁵.

Может показаться странным, что Бутурлин выступил яростным противником проекта Уварова и в конечном итоге добился его провала в Государственном совете. М.К. Лемке справедливо пишет: «Комитетъ 2 апреля прекрасно понималъ, что проектъ былъ покушеніемъ на его дальнѣйшее существованіе, и потому приложилъ старанія получить его на предварительное собственное разсмотрѣніе»³⁶. Однако исследователь не поясняет, в чем, собственно говоря, состояло это покушение.

Дело в том, что при существующем порядке вещей цензоры руководствовались уставом 1828 года, а Комитет – собственными соображениями о благонадѣжности печати. Цензоры думали, что с ними играют по известным им правилам, а с ним играли вообще без правил. В конечном счете благонадежность печатаемых произведений определялась не положениями (соглашениями) цензурного ведомства, а мнением Бутурлинского комитета, предсказать которое было невозможно. Нехитрый расчет Бутурлина состоял в том, что, коль скоро его комитет борется с крамолой в цензурной деятельности, то таковая должна иметь место, хотя бы для того, чтобы оправдать деятельность комитета. Таким образом, цензоры априорно признавались крамольниками. Они были полностью дезориентированы в своей работе. «Такой ужас, – писал Никитенко, – навел на цензоров Бутурлин с братией, то есть с Корфом и Дегаем»³⁷. В случае противоречий последнее слово, естественно, оставалось за комитетом.

Уваров же предлагал, ужесточив цензурный устав, расширить права цензоров в плане трактовки тех или иных мест в проверяемых текстах. Именно это намерение вызвало противодействие Бутурлинского комитета, взявшего под защиту устав 1828 года и выдвинувшего против Уварова обвинение в стеснениях печати, провокации необоснованных репрессий и т.д.

Противники обменялись оружием. Теперь Уваров выступал в роли мракобеса и реакционера, а Бутурлин в роли либерала. Так случилось, что пока уваровский проект рассматривался в Государственном совете, сам Бутурлин умер. Но дело было сделано, и проект был провален боль-

³⁵ Лемке М.К. Указ. соч. С. 240–241. См. также: Проект цензурного устава, внесенный в Государственный Совет гр. Уваровым в 1849 г. и неодобренный советом. СПб., 1862.

³⁶ Там же. С. 241.

³⁷ Никитенко А.В. Указ. соч. Т. 1. С. 326.

шинством голосов, получивших одобрение царя. После этого разгрома и полученных обвинений Уварову ничего не оставалось, как подать в отставку с поста министра просвещения. Смерть Бутурлина и отставка Уварова несколько разрядили атмосферу вокруг университетского вопроса. Уже в следующем году «Московские университетские известия» сообщили о начале подготовки к юбилею Московского университета 1855 года.

Сам университет в то время находился в состоянии глубокого раскола. Профессора были поделены на две партии, одну из которых С.М. Соловьев назвал в своих Записках «строгановской», а другую «уваровской». С.Г. Строганов, считавший себя аристократом, презирал выскочку Уварова и был склонен к фрондерству. Он открыто покровительствовал профессорам западнической ориентации и третирует сторонников уваровской «народности», среди которых выделялись И.И. Давыдов, С.П. Шевырев, М.П. Погодин.

Разногласия между этой группой, с одной стороны, и Т.Н. Грановским, К.Д. Кавелиным, П.Г. Редкиным, С.М. Соловьевым и др., с другой, объяснялись не только расхождением в научном и идейном плане, но и затрагивали само представление о роли и назначении университетов. Было бы соблазнительным противопоставить эти партии по их отношению к проблеме университетской автономии и представить «уваровцев» как ее противников, а «строгановцев» – как сторонников. Однако такое противопоставление не получает подтверждения в источниках. Проблема автономии для университетов стала актуальной в более позднюю эпоху, когда полностью сформировалось корпоративное самосознание российской профессуры. В 1840-е годы оно еще находилось в процессе становления, и сама идея внешнего управления университетом не встречала серьезных возражений. Неприятие вызывали лишь конкретные чиновники, вмешивающиеся в дела университетской профессуры.

Профессора 1830–1840-х годов даже в лице своих лучших представителей – Грановского, Кудрявцева, Соловьева и других – своим положением были обязаны усилиям правительства и хорошо это понимали. Более того, если взять Шевырева и Грановского, двух наиболее ярких представителей противоположных партий, то окажется, что Шевырев биографически более связан с уставом 1804 года³⁸, а Грановский – с уставом 1835 года, открывшим перед ним возможность занять место на ка-

³⁸ Подробнее см. ниже.

федре и пройти заграничную стажировку. При этом считается, что устав 1804 года дал университетам автономию, а устав 1835 года лишил.

Кроме того, личные отношения Грановского к Уварову были вполне доверительными, а его отношение к Строганову резко ухудшилось после доноса последнего на Уварова. Другое дело, что Грановский, стремясь к независимости, свою преподавательскую деятельность понимал как служение обществу путем распространения в нем научных знаний, в то время как Шевырев саму идею просвещения связывал с правительством и в русских университетах видел средство, при помощи которого правительство «образует» подданных в нужном ему духе.

Собственно говоря, просветительская роль русских царей не отрицалась никем. Еще Пушкин писал, что «le gouvernement est encore le seul [en] Européen de la Russie»³⁹, понимая «европеизм» как синоним «просвещения». С этим отчасти был согласен и противник Шевырева С.М. Соловьев, когда писал: «Начиная с Петра до Николая, *просвещение* народа было целью правительства». Правда, по мнению Соловьева, это просвещение понималось царями односторонне: «Им нужно было просвещение для материальных успехов, для материальной силы»⁴⁰. Но у Николая I не было даже этой односторонности. При нем «просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства, университеты подверглись опале...»⁴¹.

Если профессора-западники смотрели на чиновников как на врагов университетов, во всяком случае – как на чужеродную им силу, то для Шевырева и его единомышленников университеты полностью принадлежали государству, и их полезность определялась способностью выполнять правительственные заказы. Эти представления легли в основу его концепции юбилейной истории Московского университета.

³⁹ Правительство все еще единственный европеец в России (с фр.). См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 16: Переписка 1835–1837. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 261.

⁴⁰ *Соловьев С.М.* Избранные труды: Записки. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 310.

⁴¹ Там же. С. 311.

Регламент юбилея

Юбилей строится по определенным правилам, направленным на выделение юбиляра из рутины повседневности. Текущести каждодневной жизни противопоставляется взрыв юбилейного события. Вереница сменяющих друг друга в непрерывном беге годов спрессовывается в одну юбилейную дату. Вместо *ста* лет – одно *столетие*. Вместо множества противоречивых решений и действий – *одно* крупное и логичное *событие*, являющее некий центр, в который сводится все то, что было, и все то, что будет. При этом между прошлым и будущим устанавливаются симметричные отношения: славной истории соответствует прекрасное будущее.

Высочайшая грамота, полученная университетом в день его торжества, сформулировала роль университета как «рассадника Русскаго Православнаго просвѣщенія к славъ и пользѣ Нашей возлюбленной Россіи»⁴². Царская грамота была воспринята воодушевленной публикой как «вѣнецъ совершившемуся столѣтію и незыблемая основа наступающему»: «Тысячегласное ура долго не умолкало подъ сводами залы и дружно сливалось съ громомъ нашего народнаго гимна»⁴³. Идеологема «православное просвещение», презентующая один из элементов официальной триады, дополнялась «народностью» в виде многократно повторяющегося в приветственных речах словосочетания «русское просвещение»: «И роднымъ языкомъ заговорила наука с *народомъ* Русскимъ! Университетъ Московскій въ теченіе своей столѣтней жизни былъ постоянно вѣренъ своему высокому призванію. Идя всегда вровень съ наукою, онъ усвоивалъ ее и Русскому уму, и слову Русскому»⁴⁴. И, наконец, главный элемент триады – «самодержавие» – отразился в представлении о царях как главных просветителях. Упоминали Александра I как «Великодушнаго Просвѣтителя

⁴² Столетний юбилей императорского Московского университета. М., 1855. С. 5. См. также: *Цимбаев К.Н.* Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: Опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом: Коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 490–491.

⁴³ Там же. С. 13.

⁴⁴ Там же. С. 33.

Россіи», и прославляли на все лады Николая I – «Августѣйшаго Благо-творителя Русскаго просвѣщенія»⁴⁵.

Идея религиозного просвещения получила развитие в речи митрополита Филарета, представившего Истину не как результат научных поисков, а как нечто неизменно существующее «прежде доказательствъ». Поэтому задача ученого заключается не в том, чтобы доказывать относительные истины применительно к отдельным отраслям знаний, а в том, чтобы раскрыть присутствие Божественной истины в природе, истории, эстетике⁴⁶. Поэтической вариацией на эту тему стали строфы Шевырева, исполненные хором на музыку А.Н. Верстовского:

Почившимъ міръ, наставникамъ и братьямъ,
Понесимъ трудъ для Истины святой:
Блаженъ кто здѣсь, стремясь къ ея объятьямъ,
Ее любилъ, ее искалъ душой:
Съ наукой мѣрь и высшихъ чисель
Ходилъ ли въ землю, въ небеса;
Иль умъ дѣятельно возвысилъ

Природы въ тайны чуда;
Вскрывалъ ли хартіи былова
Вникалъ ли въ духъ роднаго слова;
Языки ль изучалъ когда,
Законы ль мысли и вселенной,
Законы обществъ и труда⁴⁷.

Представляя столетнюю историю университета как «непрерывный рядъ подвиговъ, исполненныхъ с честію во имя новой исторической судьбы Россіи», А.В. Никитенко объяснил эти успехи «живымъ союзомъ», связывающимъ университетъ съ самодержавіемъ, православіемъ и народностію»⁴⁸. Столетняя история как непрерывный ряд подвигов и побед открывала дверь ничем не сдерживаемому оптимизму: «Новому

⁴⁵ *Цимбаев К.Н.* Указ. соч. С. 27, 28.

⁴⁶ Там же. С. 17–22.

⁴⁷ Там же. С. 95–96.

⁴⁸ Многократное подчеркивание уваровской триады в университетских торжествах, имело еще и дополнительный смысл, связанный с тем, что именно при инспекции Московского университета 4 декабря 1832 г. Уваров впервые сформулировал эту идеологию, призвав преподавателей руководствоваться «теплой верой в истинно русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог и величие нашего Отечества» (*Уваров С.С.* Указ. соч. С. 300).

столѣтню предшествуетъ прекрасная, благовестующая заря: она сіяетъ надеждами в заслугахъ и дарованіяхъ, составляющихъ нынѣшнее сословіе Университета – и мы, одушевленные этимъ счастливымъ предзнаменованіемъ снова привѣтствуемъ и поздравляемъ его и съ темъ, что онъ уже совершилъ и съ темъ, въ совершеніе чего всѣ мы питаемъ вѣру твердую и живую»⁴⁹.

Разумеется, эпическая стилистика была «в законахъ жанра». Юбилейные речи, такие как речь Никитенко, не выражали научной позиции тех, кто их произносил. Однако с Шевыревым дело обстояло значительно сложнее. На него как на заместителя председателя юбилейного комитета легла основная нагрузка по подготовке празднеств. По воспоминаниям М.П. Погодина, «Шевыревъ одинъ вынесъ юбилей на своихъ плечахъ, работая, какъ вошь, въ продолженіи трехъ лѣтъ»⁵⁰. В процессе подготовки Погодин внушал Шевыреву, что «Университетъ долженъ показать себя Европейскимъ мѣстомъ», и советовал «послать извѣстія въ Берлинъ, Вѣну, Прагу, Париж, Оксфорд»⁵¹. Но для Шевырева важнее было вписать Московский университет в рамки правительственной идеологии.

Выступая с речью на торжественном собраніи 12 января 1855 года, Шевырев сжато изложил концепцію своей книги. «Вникая въ происхожденіе свѣтлаго торжества нашего, – говорил он, – мы видимъ въ немъ участіе Промысла Божія, образующей воли Государей нашихъ и любви Русскаго народа к просвѣщенію»⁵². Иными словами, в основаніи Московскаго университета лежали все те же три неизменныхъ принципа: самодержавіе, православіе, народность. И вся его история, такимъ образом, была последовательнымъ развитіемъ этихъ принципов. Идея времени, вносящая фактор необратимости в любое развитіе, при этомъ игнорировалась.

О том, что Шевырев далеко не формально относился к тому, что говорил, свидетельствует тот факт, что он был единственным, кто сказал о текущей войнѣ. Несоотнесимость юбилейного времени с реальнымъ временемъ позволяла участникамъ торжества избегать обсуждения трагическаго положенія, в которомъ находилась страна. И в книгѣ, и в рѣчи Шевырева Крымская война стала одной из страницъ университетскаго жизни. Но характерно то, что не военная реальность, стремительно приближаю-

⁴⁹ Столетній юбилей императорскаго Московскаго университета. С. 36.

⁵⁰ *Погодин М.П.* Воспоминаніе о Степанѣ Петровичѣ Шевыревѣ. СПб., 1869. С. 28.

⁵¹ *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Кн. 13. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. С. 315.

⁵² Столетній юбилей императорскаго Московскаго университета. С. 55.

шая страну к катастрофе, бросала трагический отблеск на юбилейные торжества, а наоборот, университетский праздник окрашивал уже почти проигранную войну в торжественно-победоносные тона. Крымская война, как и вообще войны России против Запада, была представлена Шевыревым как импульс для дальнейшего просвещения страны: «Вспомнимъ годы 1612 и 1812. Это эпохи, отъ которыхъ двинулось Русское просвѣщеніе <...> Настоящая война произведетъ тоже <...> Великое указаніе Божіе осмѣлюсь извлечь изъ знаменательнаго стеченія этихъ двухъ событій: столѣтія первенца Русскихъ Университетовъ и грозы военной, поднятой на насъ въ то же самое время отъ Запада»⁵³.

На торжественном обеде Шевырев произнес тост за здоровье присутствующего министра просвещения А.С. Норова, ветерана войны 1812 года, потерявшего ногу под Бородино. Он отнес к числу «знаменій дивныхъ» тот факт, что «въ такое время и въ день столѣтнего торжества Московскаго Университета, в министрѣ Народнаго Просвѣщенія видится намъ инвалидъ Бородинской битвы». И далее от имени профессоров, обращаясь к Норову, он сказал: «Да, увѣрьте государя, что <...> въ насъ ему готова армія духовная, снаряженная его же монаршими заботами объ Университете, воинство мыслящее, которое сьумѣетъ постоять противъ Запада за святія начала нашего Отечества»⁵⁴.

Победоносная одическая риторика соответствовала составу гостей, среди которых было много военных чинов: военный генерал-губернатор А.А. Закревский, генерал от артиллерии А.П. Ермолов, генерал от инфантерии С.П. Шипов, начальник штаба военных учебных заведений Я.И. Ростовцев. С именем последнего, как уже упоминалось, связывались слухи о закрытии университетов.

Из-за ограниченности мест и средств не все университетские профессора были приглашены на торжества. В числе обделенных оказался один из потомственных профессоров, хранитель ценнейших документов по университетской истории, кстати, использованных Шевыревым, Иван Михайлович Снегирев. В своем дневнике он с горечью писал: «Служившему въ Университете 45 лѣтъ непрерывно и усердно, доставившему матеріалы для исторіи его, мнѣ не прислали приглашенія на юбилей по вліянію пристрастнаго и вѣроломнаго Назимова <...> Этотъ праздникъ не есть ли похоронный для Университета Московскаго?». Первый пуб-

⁵³ Столетний юбилей императорского Московского университета... С. 71.

⁵⁴ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 13. С. 347.

ликатор этого дневника и живой свидетель университетских торжеств П.И. Бартенев сделал к этому месту примечание: «Не получили приглашения и лица, работавшие для юбилейных изданий Московского Университета, в число их пишущий эти строки; множество билетов на торжественный обед роздано людям военным»⁵⁵.

Из-за недостатка времени, ушедшего на формальные поздравления, не прозвучали речи, посвященные тем, кто стоял у истоков Московского университета. С речью о И.И. Шувалове не выступил С.М. Соловьев. С заготовленной речью о М.В. Ломоносове не выступил М.П. Погодин. Юбилей университета украли у людей университета и превратили его в подчеркнуто государственный праздник чиновничества. Сделано это было при самом активном участии Шевырева. Его «История» написана в духе той же казенно-государственной риторики, окрасившей столетний юбилей Московского университета.

История университета или политики царей

Подобно Карамзину, утверждавшему, что «История народа принадлежит Царю»⁵⁶, Шевырев заверял, что история университета тоже принадлежит царю. Он поделит его прошлое «по периодам царствований: 1) Императрицы Елизаветы Петровны и Петра III Федоровича, 2) Императрицы Екатерины II Алексеевны, 3) Императора Павла Петровича, 4) Императора Александра Павловича и 5) благословенно Царствующего императора Николая Павловича»⁵⁷. При этом саму идею университетского образования как способа просвещения народа правительством Шевырев отнёс к допетровской Руси, государи которой якобы «давно питали мысль передать России сокровища наук и искусств»⁵⁸. В его версии имплицитно присутствовала и более глубокая связь университетской истории с крещением Руси и даже изобретением славянской письмен-

⁵⁵ *Снегирев И.М.* Дневник. Т. 2. 1853–1865 и его воспоминания. М., 1905. С. 33. Ср. в письме Н.Т. Грановского: «Множество съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи бывшихъ студентовъ университета не нашли мѣста и праздновали день юбилея по трактирамъ» (Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. С. 436).

⁵⁶ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. 1. М.: Книга, 1988. С. VIII.

⁵⁷ *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею: 1755 – 1855. М.: Тип. Моск. ун-та, 1855. С. VIII.

⁵⁸ *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета... С. 6.

ности Кириллом и Мефодием. В своих работах по университетскому историописанию Е.А. Вишленкова указывала на первоначальное намерение организаторов юбилея «соединить университетское торжество с празднованием 1000-летия “изобретения церковных Славянских письмен, которое совершилось в 855 году”». Таким образом, университетская история, – справедливо считает она, – представляла бы завершением духовного просвещения Руси-России. И, поскольку в рамках такой концепции профессора являлись прямыми продолжателями дела христианских просветителей, юбилейные издания предлагалось обогатить “историей славяно-русских письмен” и “жизнеописанием Св. Первоучителей Славянской грамоты Кирилла и Мефодия”»⁵⁹.

Отказавшись впоследствии от столь амбициозного плана, Шевырев ограничился утверждением ключевой роли Петра I в создании университетской России. Начало русских университетов автор возвел к проекту Академии наук 22 января 1724 года⁶⁰, где дано определение университету и указаны его отличия от академии. И хотя на ранних этапах слияние этих учреждений внутри одной многоступенчатой структуры признавалось вынужденным, в перспективе университет должен был отделиться и обрести самостоятельность. В версии Шевырева дочь Петра Великого, Елизавета Петровна, исполнила «последнюю мысль» отца.

Основание Московского университета описано в «Истории» Шевырева в терминах национально-победоносной риторики. «Петр Великий, – писал он, – торжествовалъ въ Москвѣ свою Полтавскую побѣду въ то время, когда къ нему пришла вѣсть о рожденіи любимой его дочери. Русская красавица на Русскомъ престолѣ сіяла прелестью кротости. Она продолжала всѣ начинания своего Родителя; при ней с новою силою пробудился Русскій духъ, после временнаго стесненія. При ней заговорилъ стихами Ломоносова Русскій Языкъ. Пѣвецъ вложилъ въ уста Императрицѣ тѣ слова, которыми хотѣлъ изобразить ея душу:

И воля данная мнѣ свыше

Въ уста прошенъе, въ сердцѣ Богъ!

Елисавета уничтожила въ Россіи смертную казнь. Елисавета основала Московскій Университетъ»⁶¹.

⁵⁹ Вишленкова Е.А. Указ. соч. С. 298.

⁶⁰ У Шевырева ошибочно 28 января.

⁶¹ Шевырев С.П. История императорского Московского университета... С. 7.

Здесь риторически выстраивается представления о Московском университете как о средоточии русской истории. Военная и политическая мощь России, представленная именем Петра I и торжеством Полтавской победы, женское начало, воплощенное в Елизавете и дополняющее материальную силу России красотой, кротостью и милосердием, соединяются в понятии «русский дух», пронизывающий дела Петра, потом испытывающий стеснения во время Анны Иоанновны и, наконец, с новой силой пробужденный при Елизавете. Такие понятия, как *русский престол*, *русская красавица*, *русский дух*, дополняются антропологизированным понятием *русский язык*, который заговорил стихами Ломоносова. Все это в завершающей фразе оды сливается в понятие «Московский университет». Соединение в анафорическом повторении имени Елизаветы в двух заключительных предложениях должно было убедить читателя (в первую очередь Николая I) в том, что просветительская роль русских царей важнее их карающей функции.

Когда же Шевырев от риторики перешел к изложению истории университета, он следовал несколько иной логике, чем была заявлена в начале его труда – излагать события «по периодам царствований». Внутренняя история университетской корпорации делится не на пять, а на три периода, разграниченные уставами. Первый период – с основания университета до принятия устава 1804 года. Второй период – до устава 1835 года. Третий период – до столетнего юбилея 1855 года. Каждому из этих периодов соответствует особый нарратив.

Еще более значимой является периодизация, на которую обратила внимание Е.А. Вишленкова, предположив, что речь идет «о двух разных институциях <...>: о Московском университете XVIII века («допожарном») и об императорском университете в Москве первой половины XIX века»⁶². Действительно, первые полвека существования Московского университета описаны Шевыревым по законам научного нарратива: по свидетельствам источников (письменных и устных).

Поскольку в конце николаевского царствования с эпохи Екатерины II и тем более эпохи Елизаветы Петровны были сняты табу, которые накладывались на них актуальной политической ситуацией, Шевырев мог строить исторический нарратив не только как линейный, но и как конфликтный. Само движение университетской жизни показано Шевыревым как трудное преодоление препятствий, столкновение честолюбий

⁶² Вишленкова Е.А. Указ. соч. С. 299.

и групповых интересов. Поэтому в описании допожарного университета есть драматизм и динамика. С московской профессурой XVIII века Шевырев совпадает в пространстве и расходится во времени. Это дало возможность сочетать внутреннюю точку зрения, с которой описывается *свой мир*, и внешнюю, *отстраненную*, представляющую этот мир как *чужой* и «экзотический».

Шевырев утверждал непрерывную традицию, связывающую первых профессоров и его нынешних коллег. В частности, он останавливается на наиболее близком к нему в профессиональном отношении профессоре русской словесности Николае Никитиче Поповском, ученике Ломоносова. Благодаря такому признанию преемственности обнаружилось, что кафедра российской словесности, возглавляемая Шевыревым, «ведет свое начало от самого Ломоносова, как его <Поповского. – В. П.> наставника»⁶³.

С Поповским и его коллегой Антоном Алексеевичем Барсовым, профессором математики, а затем – после смерти Поповского – и русской словесности, связана важная для Шевырева идея русификации университетского сообщества. Поповский утверждал, что «Философія требует языка народнаго для всей полноты своего развитія, и, первый в Россіи воссталъ противъ исключительнаго употребленія Латинскаго языка въ преподаваніи этой науки»⁶⁴. Барсовъ «всѣхъ болѣе содѣйствовалъ тому, чтобы наука въ Университетѣ заговорила чистымъ Русскимъ языкомъ, такъ исполнилъ онъ на дѣлѣ мысль, выраженную предмѣстникомъ его, Поповскимъ»⁶⁵.

Идея непрерывности университетской традиции у Шевырева дополняется бытовыми подробностями, камуфлирующими официальную историю университета. Так, например, вскользь упомянуто, что «Поповский и Дильтей оставили по себѣ также печальную память преданія»⁶⁶. Здесь содержится намек на пьянство Поповского и на его попытку представить И.И. Шувалову пьяницами других профессоров⁶⁷. При этом сам же Шевырев со ссылкой на Ф.И. Миллера отрицает истинность этого предания. Филипп Генрих Дильтей показан Шевыревым также неоднозначно. С одной стороны, подчеркиваются его заслуги как основателя юридиче-

⁶³ Шевырев С.П. История императорского Московского университета... С. 31.

⁶⁴ Там же. С. 30.

⁶⁵ Там же. С. 31.

⁶⁶ Там же. С. 64.

⁶⁷ Там же. С. 79.

ского факультета, на котором он «одинъ <...> преподавалъ всѣ науки»⁶⁸, он же первый из иностранных профессоров выучил русский язык. В последнем обстоятельстве Шевырев склонен видеть влияние славянского происхождения Дильтея. Но, с другой стороны, он, как и многие его коллеги, пропускал занятия. Причина была в том, что у профессоров XVIII века была чрезмерная нагрузка (до шести часов в день) при низком жалованье (до 200 руб., что всего вдвое превышало жалованье казеннокоштного студента, получавшего 100 руб). Поэтому они вынуждены были давать частные уроки, видимо, хорошо оплачиваемые, так как, по сведениям Шевырева, «нѣкоторые изъ Профессоровъ приватными уроками довольно скоро нажили себѣ состояніе»⁶⁹.

Среди этих профессоров Шевырев называет Дильтея, который, получая с каждого ученика по 12 руб. в год за каждый предмет, имел свой дом на Козьем болоте, что по тем временам было роскошью, так как профессора в основном жили на казенных квартирах. Приватные уроки «отвлекали его часто от публичных лекцій: он справедливо подвергся нареканию отъ товарищей въ нехожденіи на лекціи и долженъ былъ выдержать процессъ съ Университетомъ»⁷⁰. Далее рассказывается о процессе Дильтея, начатом университетским начальством. В эту историю был вмешан Сенат, куда Дильтей подал встречную жалобу. Процесс длился весь 1765 год и закончился «Высочайшим указомъ, подписанным Собственною Ея Императорскаго Величества рукою, которымъ повелѣно принять Дильтея снова в число Профессоровъ»⁷¹.

На примере этой персональной истории, которыми изобиловали рукописные протоколы конференции Московского университета XVIII века⁷², Шевырев демонстрировал, какими сложными путями шло формирование профессорской корпорации и в какой степени профессора в своих внутренних разногласиях зависели от правительства. С другой стороны, вмешательство самой Екатерины II в частное, казалось бы, дело трудовой дисциплины свидетельствует, в глазах Шевырева, о высокой заинтересованности правительства в университете.

⁶⁸ Там же. С. 33.

⁶⁹ Там же. С. 63.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 133.

⁷² Кулакова И.П. Протоколы конференции Московского университета как вариант самописания // Сословие русских профессоров: Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 96–113.

Юбилейный характер истории, разумеется, не предполагал конфликтов власти его детища. Но случай Н.И. Новикова был настолько ярким, что даже такой осторожный историк как Шевырев не смог обойти его молчанием. Конечно, к пятидесятым годам XIX века дело Новикова уже утратило политическую актуальность, но тем не менее мог вызвать нежелательные ассоциации у Высочайшего Читателя. Поэтому Шевырев не только опустил все политические моменты новиковской истории, но и свел его к недоразумению по религиозным вопросам: «Конечно, при меньшей поспѣшности и большей разборчивости въ изданіи книгъ переводныхъ, Новиковъ не заслужилъ бы и тѣхъ нареканій, которымъ подвергся за шесть книгъ отъ Преосвященнаго Платона, отдавашаго, впрочемъ, должную справедливость его личнымъ убѣжденіямъ Христианскимъ и пользѣ, принесенной имъ литературѣ Русской и образованію»⁷³.

Деятельность Новикова и близкого к нему профессора И.Е. Шварца для Шевырева составляет предмет устной истории. Новиковский кружок хорошо был ему известен по рассказам Антона Антоновича Прокоповича-Антонского, директора Благородного пансиона. Шевырев учился в нем. Прокопович-Антонский учился в университете в 1782–1784 годы, когда типографию возглавлял Н.И. Новиков, а его масонский кружок вел широкую просветительскую и благотворительную деятельность. Один из наиболее активных членов кружка Шварц был непосредственным учителем Прокоповича-Антонского. Масонская мистика, видимо, не очень привлекала Антонского, но идеи нравственного самосовершенствования, практической филантропии, преобладающей роли воспитания в общей системе образования – все это сохранялось в педагогической теории и практике директора пансиона.

Шевырев осторожно обошел масонскую тему, сообщая вскользь, что «старые Профессора», среди которых он называл Барсова и Шадена, «обнесли стремленія его передъ Кураторомъ масонскими. Особенно же ссылались на приватныя лекціи, которыми Шварцъ привлекалъ к себѣ в домъ пылкое юношество»⁷⁴. В качестве источника сведений Шевырев назвал самого Шварца. Но понятно, что слышать это непосредственно от Шварца, умершего в 1784 году, он не мог. Скорее всего, историк знал это от того же Прокоповича-Антонского. Шевырев утверждал, что Новиков также «подвергся клеветѣ и следствію; но былъ оправданъ въ убѣжденіяхъ

⁷³ Шевырев С.П. История императорского Московского университета... С. 219.

⁷⁴ Там же. С. 222.

своихъ мнѣніемъ самого Преосвященнаго Платона»⁷⁵. В примечаниях он привел слова митрополита: «Молю всещедрѣго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и Тобою, Всемиловивѣйшая Государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были Христіане таковыя, какъ Новиковъ»⁷⁶. Таким образом, Новиков оказывается оправданным не Павлом I, при котором он был выпущен из крепости, а Платоном, вопреки мнѣнію котораго он туда попал по личному распоряженію Екатерины II.

Последовательно проводя идею о царях как просветителях, постоянно заботящихся об университете, Шевырев сознательно устраняет из своей «Истории» все, что не соответствует этой концепции. Начиная с эпохи Александра I история Московскаго университета тесно переплетается с биографіей его перваго историка, особенно это заметно в описании послѣднихъ тринадцати летъ царствования: от московскаго пожара до смерти царя в 1825 году. «В теченіи послѣднихъ годовъ этого тринадцатилѣтія, – пишет он, – за которое мы представляемъ краткій отчетъ въ Университетскомъ преподаваніи, оно совершалось уже на памяти нашей и нашихъ старшихъ сверстниковъ. Въ полной силѣ дѣйствовали тогда представители старшаго поколѣнія – и выступало на поприще поколѣніе новое, которое воспитывалось уже въ Университетѣ, преобразованномъ волею Императора Александра»⁷⁷.

При Александре I университет был преобразован дважды: внутренне и внешне. Внутренніе преобразования были связаны с принятием устава 1804 года. Одно из его положеній Шевырев непосредственно связал со своей судьбой. Речь шла о § 26, где говорилось: «Ежели между природными Россіянами найдутся молодые люди въ какой либо наукѣ толико успѣвши, что представленными печатными или рукописными сочиненіями и чтеніемъ о заданномъ предметѣ лекцій удостовѣрять, что съ пользою Университета могутъ занять мѣсто Адъюнкта, въ такомъ случаѣ пріобрѣсти ихъ къ Университету дозволяется». Приведя это место, Шевырев продолжает: «Пишущій эту исторію не можетъ привести этой статьи безъ особеннаго чувства благодарности къ той рукѣ, которая ее начертала: ибо онъ, воспитанный въ училищѣ, не дававшем ученыхъ степеней, единственно этому параграфу Устава обязанъ честію и счастіемъ служить въ Московскомъ Университетѣ»⁷⁸.

⁷⁵ Там же. С. 263.

⁷⁶ Там же. С. 279.

⁷⁷ Там же. С. 450–451.

⁷⁸ Там же. С. 358.

Внешние преобразования были вызваны московским пожаром 1812 года. Сожалея об уничтожении университетского здания, библиотеки (20 тыс. книг), оборудования и музея естественной истории, Шевырев, ссылаясь на «устное предание», пишет, что все это можно было спасти: «Главномандующий прислалъ 200 подводъ подь Университеть»⁷⁹, но, к сожалению, ими не воспользовались. Однако дальше живая история, сохраненная в памяти современников, уступила место казенному патриотизму, характерному для главной концепции книги. «Древняя столица, – сообщает историк, – была жертвою искупления Россіи въ священной брани за Отечество. Университеть ея принесъ также часть свою в этой великой жертвѣ»⁸⁰. Возрождение школы связывается не только со строительством новых зданий, сколько с посещением царя: «18-го Авг. 1816 г. Императоръ Александръ Павловичъ вторично оживиль Университеть Своимъ присутствиемъ»⁸¹.

Описывая университетскую жизнь конца 1810 – первой половины 1820-х годов, Шевырев осторожно пользуется памятью. Он дает яркие характеристики своим учителям, например, А.Ф. Мерзлякову, М.Г. Павлову или И.И. Давыдову, но при этом умалчивает о том влиянии, какое их лекции имели на общество Любомудров (куда входил и сам Шевырев), состоящее из студентов Московского университета. Лидер этого кружка рано умерший Д.В. Веневитинов не упомянут среди студентов. Почти ничего не говорится о тогдашнем увлечении профессоров и студентов Шеллингом. Лишь в связи с М.Г. Павловым глухо упоминается имя немецкого философа и то, как автора философии не совсем уместной для изучения природы, «требующей изслѣдованія самага опредѣленнаго, точнаго и не признающей надъ собою никакой иной Философіи, кромѣ Математики»⁸².

Либеральные увлечения юности, философские искания свободы, как и вольнолюбивый дух московского студенчества – все это зоны умолчания. Живые проявления человеческих отношений и интеллектуальных поисков по мере приближения к современности полностью уступают место документации – отчетам, циркулярам и распоряжениям, где отражены «тѣ три основныя начала, которыми они <т.е. попечители универ-

⁷⁹ Шевырев С.П. История императорского Московского университета... С. 414.

⁸⁰ Там же. С. 415.

⁸¹ Там же. С. 430.

⁸² Там же. С. 452.

ситетов. – В. П.> должны руководствоваться: начала Православия, Самодержавия и Народности»⁸³.

Соответственно весь последний период университетской истории представлен Шевыревым как отчет о непрерывных успехах и достижениях, являющихся прямым следствием «неусыпного попечения Правительства»⁸⁴. Шевырев не дал никакой оценки, не высказал никакого отношения к уставу 1835 года, понимая, как опасно даже с похвалой отзываться о действиях правительства. Он ограничился тем, что обратил внимание на значительное улучшение материальной базы: увеличилось количество профессоров, их оклады выросли в два с половиной раза, оклады адъюнктов – в четыре раза, увеличены расходы на библиотеку в 10 раз и т.д.⁸⁵. Кроме того, за молодыми учеными сохранилось право заграничных командировок.

Оборотная сторона современной университетской жизни – ее бюрократизация, предельно сильное подчинение министерству, создающее почву для конфликтов не только между профессорами и чиновниками, но и между университетскими людьми, – разумеется, не могла найти отражение на страницах официальной истории. Но для Шевырева это и не было историческим явлением. Сам он считал университет «орудием правительства» (утверждение С.С. Уварова). Эта установка определяла не только его позицию историка, но и поведение внутри университетского сообщества.

Идеология нарратива

Еще в 1851 году Шевырев через попечителя В.И. Назимова получил должность профессора кафедры педагогики, сохранив за собой кафедру словесности. По мнению его коллег, педагогическую кафедру должен был получить М.Н. Катков, только что лишившийся кафедры философии. Новый министр просвещения П.А. Ширинский-Шихматов считал, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен»⁸⁶, а потому закрыл в университетах философские кафедры. И Катков потерял место.

⁸³ Там же. С. 480–481.

⁸⁴ Там же. С. 494.

⁸⁵ Там же. С. 489.

⁸⁶ *Никитенко А.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 334.

Шевырев, перешедший дорогу Каткову, вызвал, по словам С.М. Соловьева, «страшную ненависть в нашем кружке». Тут как раз подошло время деканских выборов. «Шевырев, – продолжает Соловьев, – был забаллотирован, и в деканы прошел Грановский». Но поскольку в глазах начальства он был «человек подозрительный, либерал известный», то распоряжением Ширинского-Шихматова деканом был назначен проигравший выборы Шевырев. «Ненависть к *казенному* декану, – свидетельствует Соловьев – стала еще сильнее»⁸⁷.

Иначе эту историю излагал М.П. Погодин: «Противники не выбрали Шевырева деканом в 1851, кажется, году, а выбрали Грановского. Министр не утвердил выбора, и попечитель по своимъ причинамъ просилъ Шевырева принять опять эту тяжелую обязанность. Шевыревъ имѣлъ неосторожность согласиться къ совершенному неудовольствію почти всего факультета. Смѣю сказать, что я предвидѣлъ нехорошія слѣдствія и всѣми силами старался отговорить Шевырева отъ деканства». Сам факт назначения начальством Шевырева у Погодина не вызывает осуждения. Он пытался отговорить Шевырева, руководствуясь не профессиональной этикой, а индивидуальными особенностями самого Шевырева: «Съ возбужденными всегда нервами вслѣдствіе усиленныхъ и разнообразныхъ занятій, онъ дѣлался, можетъ-быть, иногда непріятнымъ или даже тяжелымъ, вслѣдствіе своей взыскательности, требовательности, запальчивости и невоздержанности на языкъ»⁸⁸. В таком состоянии Шевырев находился в постоянном конфликте с коллегами и студентами, и его согласие стать деканом послужило не причиной, а лишь поводом для устроенной ему обструкции.

Если же постараться взглянуть на ситуацию взглядом, свободным от предубеждения, то картина окажется такой. У Шевырева закончился срок деканства, и он не был утвержден на новых выборах. Выбранного Грановского не утвердило министерство, что вполне соответствовало действующему уставу. Поскольку место декана осталось вакантным, то Шевыреву, как бывшему декану, было предложено заместить эту вакансию. Формально все было в рамках действующего законодательства. Но формирующаяся профессорская корпорация все болезненнее воспринимала внешнее вмешательство в свои дела. Вопросы университетской автономии еще не стояли на повестке дня, но европейски мыслящая русская

⁸⁷ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 326.

⁸⁸ Погодин М.П. Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве. С. 27.

профессура, хорошо знакомая с обычаями западных университетов, все отчетливее ощущала корпоративную солидарность и все жестче требовала от своих коллег подчинения неписаным правилам, действующим в их среде.

Разумеется, скандальная история с деканством Шевырева не нашла места в официальной истории Московского университета, но память о ней накануне столетнего юбилея была еще свежа. И Шевырев с явным вызовом процитировал в юбилейной книге постановление 11 октября 1849 года, по которому «предоставлено Министру право назначать Декана из Профессоровъ факультета и независимо от университетских выборов»⁸⁹. Этой цитатой он утверждал легитимность своего деканства и вместе с тем противопоставлял себя коллегам.

Историю Московского университета Шевырев вписал в систему собственных представлений о соотношении России и Запада. К началу 1840-х годов у него выработались устойчивые антизападнические взгляды. Шевырев решил, что западная цивилизация достигла своего предела и впереди ее ожидает крах. В программной статье «Взгляд русского на образование Европы» Шевырев поставил проблему «Россия – Запад» как «последнее слово Истории» и «два данна для будущаго». Борьба между ними типологически сопоставляется с борьбой Азии и Греции, Греции и Рима, Рима и германских народов. Стоит вопрос: кто победит в этой борьбе, сможет ли Россия «устоять въ своей самобытности», образует ли она «миръ особый, по началамъ своимъ, а не по темъ же Европейскимъ»⁹⁰. Все великие достижения Запада – в прошлом, теперь он вступил в стадию разложения и гниения, поэтому контакты с ним для России, олицетворяющей в глазах Шевырева здоровое начало, крайне опасны: «Въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства... и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потехѣ пира будущаго трупа, которымъ уже пахнетъ»⁹¹.

Болезнь в наибольшей степени поразила «Францію и Германию – <...> двѣ стороны, подѣ влияніемъ которыхъ мы непосредственно находились

⁸⁹ Шевырев С.П. История императорского Московского университета... С. 501.

⁹⁰ Взгляд русского на образование Европы // Москвитянин. 1841. № 1. С. 220.

⁹¹ Там же. С. 247.

и теперь находимся»⁹². Франция больна революцией, Германия – реформацией. Во Франции – разврат общества (падение нравственности, забвение религии, упадок наук, литературы, искусства и т.д.). В Германии – «самое полное развращение мысли»⁹³. В отличие от них Россия духовно здорова и крепка, причем ее здоровье обеспечивается «тремя коренными чувствами». Имеется в виду уваровская триада. Характерно, что Шевырев интерпретирует ее в категории чувства, а не мысли, тем самым подчеркивая ее органическую врожденность русскому национальному бытию. На первом месте стоит православие: «Мы сохранили наше древнее чувство религиозное». Затем идет самодержавие: «Царь и народъ составляютъ одно неразрывное цѣлое». И, наконец, народность, проявляющаяся в уверенности «въ томъ, что всякое образование можетъ у насъ тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашимъ народнымъ чувствомъ и скажется народною мыслию и словомъ»⁹⁴.

Уваровская идеологическая установка была воспринята Шевыревым как оптика изучения древней Руси, «в которой хранится первоначальный чистый образ нашей истории»⁹⁵. В 1844–45 учебном году он прочитал публичный курс лекций по древнерусской литературе, восторженно встреченный славянофильскими кругами и скептически западническими. И.В. Киреевский назвал лекции Шевырева «новым событием нашего исторического самопознания»⁹⁶, а присутствующий на лекции юный Б.Н. Чичерин, сравнивая этот курс лекций с прочитанным перед этим Грановским курсом западной истории, писал: «Ни по форме, ни по содержанию этот курс не мог сравниться с предыдущим. Талант был несравненно ниже, да и скудные памятники древней русской словесности не могли представлять того интереса, как мировая борьба императоров с папами». Впрочем, Чичерин не отрицает большого успеха этих лекций Шевырева: «Толпа народа, наполнявшего аудиторию, студенты с синими воротничками, нарядные дамы, теснившиеся около кафедры, глубокое общее внимание слову профессора, громкие рукоплескания, сопровождавшие его появление и выход, наконец, самая речь, несколько певучая, но

⁹² Там же. С. 246.

⁹³ Там же. С. 270.

⁹⁴ Там же. С. 292–294.

⁹⁵ Там же. С. 295.

⁹⁶ *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 208.

складная, изящная, свободно текущая, все это было для нас совершенно ново и поразительно. Мы остались вполне довольны»⁹⁷.

В лекции Шевырев развивал идею типологического расхождения Запада и Руси. Русь не знала античного язычества, а следовательно, «наше Русское народное <...> съ самого начала бытія своего окрестилось, облеклось во Христа»⁹⁸. Второе отличие заключается в том, что Запад «рано предался заботамъ о дѣлѣ человеческомъ», в то время как Русь «только слушала слово Божіе»⁹⁹. Таким образом, оборотной стороной европейского просвещения является бездуховность, а научная отсталость России компенсируется ее высокой духовностью.

Реформы Петра внесли раскол в русскую жизнь, но Шевырев осуждает не царя-реформатора (фигуру харизматическую в николаевское царствование), а лишь «несчастную крайность одной стороны царствования Петрова: иноземное вліяніе»¹⁰⁰, да и то относит его к царствованию Анны Иоанновны. Наличие древнерусской литературы для Шевырева является свидетельством того, что допетровская Русь еще жива, и через знакомство с ее памятниками русское дворянство может сблизиться с «этой, отторженной отъ насъ <т.е. дворянской интеллигенции. – В. П.> частью народа», одновременно поделившись с ней дарами «образованія, которые мы получили отъ Запада»¹⁰¹.

В эту версию российского прошлого Шевырев построил феномен Московского университета. Как уже отмечалось, его история начинается в допетровской Руси: «Государи древней Руси, въ заботахъ своихъ о благѣ отечества, давно питали мысль передать Россіи сокровище наукъ и искусство. Иоанн IV выписывальъ ученыхъ и художниковъ въ Россію», но Запад этому препятствовал: «завистливая политика Ганзы и Ливонскаго ордена положила преграду намѣреніямъ Царя»¹⁰². Но и сама «Россія не могла тогда принять просвѣщенія западнаго, не изменивъ Православію», так как «Западъ требоваль, чтобы она купила ихъ цѣною измѣны Вѣрѣ своей и, вотъ на что никогда не могли решиться наши предки»¹⁰³. Только

⁹⁷ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 1. Москва сороковых годов: Путешествие за границу. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. С. 135.

⁹⁸ Шевырев С.П. История русской словесности, преимущественно древней. М.: Унив. тип., 1846. Т. 1. Ч. 1–2. С. 39.

⁹⁹ Там же. С. 39.

¹⁰⁰ Там же. С. 41.

¹⁰¹ Там же. С. 35.

¹⁰² Шевырев С.П. История императорского Московского университета... С. 4.

¹⁰³ Шевырев С.П. История русской словесности... С. 39.

в ходе религиозных войн XVI – XVII веков западная наука, «освободилась от оков западной Церкви», и «только в XVIII вѣкѣ образовалась эта высокая терпимость мысли, которая сделала науку доступной для всѣхъ верований, избавила приступающихъ къ ней отъ необходимости отречься отъ кореннаго основанія своей жизни. Не даромъ Петръ I и Лейбницъ современники»¹⁰⁴. Именно им, по мнѣнію Шевырева, принадлежит идея учредить университеты в России. При этом немецкій философ «добросовѣстно предупреждалъ <...> Государя, что при воспитаніи Русскаго юношества необходимо ввести лучшій порядокъ и предотвратить тѣ злоупотребленія, которые вкрались в Университеты, общества и школы Европы»¹⁰⁵.

Петр I продолжил дело просвещения русского народа, которым до него занималась церковь. Его эпоха стала границей, отделяющей два этапа народнаго воспитанія: «Въ первомъ періодѣ Россія воспитывалась Церковью, во второмъ воспитаніе ея приняла на себя власть Правительственная»¹⁰⁶. В отличие от западной Европы, где развитие научной мысли проходило в остром конфликте с католической церковью, в России, как считает Шевырев, науке «не нужно было возставать на Церковь, подъ покровомъ и благословеніемъ которой она начала свой ростъ въ Русскомъ народѣ»¹⁰⁷.

В «Истории Московскаго университета» аналогичные идеи высказывает в своей речи профессор французской словесности Ватэ: «Наука возникла у насъ не изъ смятеній, не изъ нѣдръ вражды и раздора, не среди религіозныхъ возмущеній, потрясеній и ненависти, как на Западѣ, но въ спокойствіи и тишинѣ страстей, изъ прекраснаго стремленія Государей Русскихъ просвѣтить отечество»¹⁰⁸.

Это концепція продуманнаго развития научнаго знанія в России, инициаторомъ котораго предстаетъ государство. А в Западной Европе науке пришлось самостоятельно и в острой борьбѣ с церковью прокладывать себѣ дорогу. Такая бинарность хорошо укладывается в общее для слафинофиловъ представленіе о мирномъ характерѣ русской государственности, возникшей не в результате завоеваній, как на Западе, а путемъ добровольнаго призванія варяговъ.

¹⁰⁴ Шевырев С.П. История русской словесности... С. 40.

¹⁰⁵ Шевырев С.П. История императорскаго Московскаго университета... С. 5.

¹⁰⁶ Шевырев С.П. История русской словесности... С. 19.

¹⁰⁷ Там же. С. 41.

¹⁰⁸ Шевырев С.П. История императорскаго Московскаго университета... С. 301.

Таким образом, университет-саженец, перенесенный в Россию с Запада, органично прижился на русской почве и очень быстро приобрел национальный характер. Своеобразие русских университетов состоит в их органической государственности. Они, как считает Шевырев, являются опорой самодержавия, уже в силу того, что сами созданы самодержавным правительством.

Западный мир как был, так и остается, по мнению Шевырева, враждебным России. Одним из доказательств этого служат войны, которые европейские страны ведут против России. В 1812 году «отъ запада принявъ науку и добросовѣстно въздѣлав ее у себя, отъ него же принялъ Университетъ мечь и огонь, опустошившіе сокровища его образованія»¹⁰⁹. Военная тематика актуально звучала в год столетнего юбилея Московского университета, когда в Севастополе шли ожесточенные бои против французов и англичан. В этом противостоянии России и Запада Шевырев видел важный момент национального самопознания: «Брани от запада были всегда намъ полезны тѣмъ, что призывали насъ к народному самопознанію»¹¹⁰. Главную роль в этом процессе Шевырев отводит университету: «Денно и ношно наука пускай работаетъ над познаніем Россіи и огромныхъ ея силъ природы тѣлесной и духовной»¹¹¹.

Итак, шевыревская «История», выпущенная в свет в январе 1855 года, всего за месяц до смерти Николая I, стала подведением итогов всего его царствования в сфере образования, понимаемого достаточно широко как «образованіе Русскаго народа на тѣхъ коренныхъ началахъ, которые определяются его Исторіею и составляютъ крѣпость его жизни»¹¹². Отмечая, что «Исторія Университета Московскаго занимаетъ въ ней только малую и скромную часть, но не менѣе значительную, какъ часть одного великаго цѣлаго», Шевырев тем не менее на его примере создал общую модель образовательного процесса, подчеркивая ее специфически русский характер. Свой нарратив историк построил как проекцию законодательных текстов на ось летописного повествования. Историческим признается лишь то, что имеет созвучие в нормативных актах. Живая история с ее непредсказуемостью превратилась в своего рода отчет о выполнении правительственных распоряжений.

¹⁰⁹ Там же. С. 420.

¹¹⁰ Там же. С. 376.

¹¹¹ Там же. С. 576.

¹¹² Там же. С. 468.

Исключение фактора времени привело к тому, что университетская история излагается как последовательное разворачивание в пространстве неких экзистенциальных принципов, проявляющихся на разных уровнях, но всегда остающихся неизменными. История Московского университета репрезентирует историю русского университета как такового. Русский университет является моделью русского просвещения на протяжении всей русской истории. Русская история, в свою очередь, определяется как некая норма истории человечества, осознающая себя на фоне искажений, вносимых в нее Востоком и Западом: «Нѣкогда грозило намъ варварство отъ Татаръ и востока: теперь оно грозит нам от запада»¹¹³.

Шевыревская «История» по сути дела противоречит истории как таковой. Она призвана не рассказать читателю, что произошло, а наоборот, убедить его в том, что ничего не происходит. Поскольку существующий порядок признается неизменным, то любые отклонения от него табуируются. Накануне севастопольской катастрофы эти представления не просто противоречили действительности. Они с ней вообще не соприкасались.

Корпоративная история Московского университета, история конфликтов, с научными спорами, благодарностью и предательством учеников, проблемами хозяйственной жизни и этики осталась за пределами этого труда, рассыпалась свидетельствами в письмах, дневниках и мемуарах. «Оценили» и «воздали честь» Шевыреву не современные читатели, а не пожелавшие верифицировать свидетельства и выводы историка потомки.

¹¹³ Шевырев С.П. История императорского Московского университета... С. 576.

Препринт WP6/2013/04
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Парсамов Вадим Суренович

**«История императорского Московского университета»
С.П. Шевырева: исторический нарратив
в политическом контексте**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,5
Усл. печ. л. 2,35. Заказ № . Изд. № 1570

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»